

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

ЛИТОВСКАЯ И ПРУССКАЯ АНТРОПОНИМИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И МАТЕРИАЛАХ ПО НЕМЕЦКИМ ФАМИЛИЯМ

0. При смешении этносов, при вкраплении отдельных представителей одной национальности в более крупную территориально-этническую среду другой фамилии обычно остаются одним из наиболее неразстворимых элементов их языка. Вот почему состав фамилий каждого народа с большей или меньшей полнотой отражает широту этнических связей последнего, а тем самым в определенной степени он же становится источником для изучения фамилий других народов. Таким, в частности, является состав немецких фамилий для исследования балтийской антропонимии.

1. В работах по немецкой антропонимии отмечается, что среди иностранных по своему происхождению фамилий встречаются литовские (балтийские): „litauische (Familiennamen) auf -at-, -eit, wie *Steppat, Schneiderei*“¹. В частности, некоторое число таких фамилий отмечено в современном Лейпциге: „Eine geringe Anzahl beruht auf Zuwanderung aus Gebieten mit baltischen Suastaten: *Balzerei, Bartschat, Bertullies, Doneit, Jurgeleit* usw.“².

Наиболее полным отображением современных немецких фамилий, сопровождаемым также экскурсами в антропонимию письменных памятников, является „Этимологический словарь немецких фамилий“ проф. Йозефа Карлманна Брехенмахера (1877—1960)³. Уже в рецензии на первый выпуск словаря указывалось, что „das Werk bringt unendlich viele Namen“⁴. Благодаря этому качеству представляются весьма заслуживающими внимания как уже осуществленные в словаре, так и намечающиеся выходы из него в область балтийской антропонимии.

¹ W. Fleischer, *Die deutschen Personennamen. Geschichte, Bildung und Bedeutung*, Berlin, 1968, 186.

² E. Eichler, *Zum slawischen Anteil am Familiennamenschatz einer sozialistischen Großstadt*, — *Slavica Slovaca* V 3 (1970) 270.

³ J. K. Brechenmacher, *Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Familiennamen*, 2. Aufl., Lief. 1—21, Glückburg, 1957—1963, 879 (Далее — Br.).

⁴ См. рец. Н. Wesche, — *BzN* IX 1 (1958) 123.

Балтийские наблюдения в словаре Брехенмахера можно проводить, в частности, в двух диапазонах — литовском и древнепрусском, хотя нередко переключение с одного на другой является несколько условным, когда речь идет, например, о литовской антропонимии на территории быв. Восточной Пруссии.

Автор, как правило, указывает ряд вариантов антропонима, наиболее давний из известных ему примеров употребления, а также частоту употребления данной фамилии в различных немецких городах 1914—1939 годов. Так, например: *Adameit, Adamheid, Adomat(is), Adomeit, Ademeit*, litauische (patronimische) Formen zu *Adam*, s(iehe) d(ort). 1700 *Adam Adamait, Forstbediensteter bei Insterburg...*

Далее следует список городов, среди которых на первом месте по распространенности этой фамилии стоит Берлин 1928 г. — 81 раз (Br., 9).

Аналогичным образом построена и статья: *Baltrusch(at), Baltruweit, Baltro-, Baltrus(za(i)tis)*, litauische Abkömmlingsformen <(christlicher) Taufname *Balthasar*. Durch Industrierarbeiter auch im Westen (т.е. на западе Германии — А.Н.) auffallend stark vertreten. 1714 *Dangschos Baltruschat, Forstbedienter im Amt Ragnit* (Br., 65).

Как видим, Й. К. Брехенмахер частично объясняет и социальные причины распространения литовских фамилий вплоть до западных районов Германии.

Уже и из этих примеров достаточно ясно видно, что исследователь литовской антропонимии найдет в этом словаре много ценного материала, и что в будущем словаре литовских фамилий⁵ нельзя будет обойтись без капитального труда Й. К. Брехенмахера.

Что же касается древнепрусской антропонимии, которая является реликтовой по своему характеру, то в этом отношении рассматриваемый словарь немецкого ученого имеет еще больший теоретический вес. В самом деле, благодаря данному собранию немецких фамилий, содержащему также и материалы письменных памятников, мы получаем тот необходимый фон, без которого невозможно увидеть собственно балтийскую часть антропонимикона древних пруссов, что в течение своей недолгой исторической судьбы прошли полный курс германизации. Вот почему корпус древнепрусских имен Р. Траутмана следует теперь заново перечитать, а в антропонимии этого древнебалтийского народа необходимо более четко выделить ее немецкий компонент⁶. Для примера укажем ряд антропонимических пар (словарь Траутмана — сло-

⁵ A. Vanagas, *Lietuvių pavardžių žodyno sudarymo principai ir struktūra*, — MA Darbai A II (1971) 179–192.

⁶ Ср. R. Trautmann, *Die altpreußischen Personennamen*, Göttingen, 1925, 193–194.

варь Брехенмахера): *Arnike — Arnicke, Atte — Ätte, Bleso — Blesen, Bobinge — Bobinger, Brune — Brun(e), Bude, Budike — Budde, Buddeke; Bunthe — Bunt(e); Danicke — Dane(c)ke, Eytel — Eitel, Gerdis — Gerdes, Gereke — Gereke, Godeke — Gödeke* и т.д. При этом, правда, бывают случаи, когда материалы Й. К. Брехенмахера являются не противопоставлением, а дополнением к словарю Р. Траутмана. Так, у последнего под 1327 г. отмечен антропоним *Tunge* (110), у Брехенмахера же зафиксирован *Tungen* из Вармии под 1462 г. (361).

В „Словаре“ Й. К. Брехенмахера особый интерес представляют те случаи, когда в исторических материалах рядом с именем указывается этническая принадлежность его носителя. В первую очередь это касается пруссов, и без того скудные исторические сведения о которых угасают к концу XVII ст.⁷ Так, в списках студентов быв. Кенигсбергского университета под 1642 г. упоминается *Matthias Rosteck, Prussus*, под 1648 — *Joh. Fried. von der Schleuse, Prussus* (Br., 435, 525). Отметим, кстати, что этот источник не был использован Р. Траутманом в его работе, ограниченной XIII—XV вв.

Помимо указанных этнических характеристик носителей тех или иных антропонимов небезынтересны прямые отражения в именах этнонимов и этнических территорий древней Пруссии, в частности, Самбии и Надравии | Надровии. Так, среди местных по происхождению студентов упомянутого университета названы: *Caspar Samland* (1634), *Cornel. Sahn* (1644), *Jac. Samius* (1651); *Joh. Nadrovius* (1636) (Br., 465—466, 303).

Важным дополнением к древнепрусским географическим названиям являются производные от них фамилии студентов того же университета: например, *David Wilkaßwewky* (1645), ср. антропоним *Willkassen* (Br., 814) и древнепрусский топоним *Wilkaskaymen* (1419)⁸.

Таким образом, „Этимологический словарь немецких фамилий“ Й. К. Брехенмахера как своими материалами, так и их разработкой обогащает балтийскую ономастику в целом.

2. Разумеется, „Словарь“ Й. К. Брехенмахера это не единственный немецкий антропонимикон, содержащий в себе также фамилии балтийского происхождения. Так, в 1970 г. был опубликован первый том немецкого справочника „Кто есть кто?“, содержащий свыше 30 тыс. статей и охватывающий ФРГ и Зап. Берлин⁹ (второй том этого издания, посвященный ГДР, должен был увидеть свет в 1971 г.¹⁰).

⁷ См., в частности, V. Mažiulis, — Prūsų kalbos paminklai, Vilnius, 1966, 25.

⁸ G. Gerullis, Die altpreußischen Ortsnamen, Berlin, 1922, 201.

⁹ Wer ist wer? Das Deutsche Who's who. XVI. Ausgabe von Degeners wer ist's? I. Bundesrepublik Deutschland, West-Berlin, Berlin, (1970), 1516.

¹⁰ Там же, 3.

В отличие от лингвистических материалов и исследований типа словаря Й. К. Брехенмахера, книги В. Флейшера или статьи Э. Эйхлера, в которых, как правило, известна только современная локализация, скажем, данного „фамильного“ факта, различного рода биографические справочники, указывая на место рождения носителя фамилии, тем самым создают определенную историко-географическую (пусть даже только в рамках одной человеческой жизни) перспективу рассматриваемого лингвистического явления — в данном случае антропонима. В этом смысле немецкое издание „*Wer ist wer?*“ имеет свои неоспоримые преимущества, поскольку оно позволяет разделить все обнаруживаемые в нем литовские (балтийские) фамилии на две категории: 1) антропонимы, носители которых родились на этнически балтийских землях (в данном случае ограничимся территорией западнобалтийских языков), и 2) антропонимы уроженцев небалтийских территорий. Приведем их в указанной очередности.

1. *Baltruschat, Buddruss, Drabe, Grigull, Josuttis, Skalweit, Warda, Wenskus* (соотв. 40, 152, 221, 390, 578, 1246, 1395, 1423); 2. *Abromeit, Brussatis, Domscheit, Dowidad, Egle, Gailis, Garbe, Grischkat, Gudewill, Kallweit, Karalus, Karojus, Massute, Milius, Naujoks, Petrikat, Pirkl, Skalweit* (соотв. 2, 148, 219, 221, 241, 339, 341, 391, 403, 592, 598, 599, 817, 858, 902, 966, 978, 1246).

Рассматривая обе группы фамилий балтийских по своему происхождению, мы должны признать, что первая из них в целом является более новой по времени своего отрыва от балтийской почвы. Притягательная сторона собирания таких антропонимов заключается в том, что на этой древнебалтийской территории возможно, как говорится, „выйти на связь“ с древнепрусским языком: ср. найденный в данном случае антропоним *Drabe* и давно уже известный древнепрусский топоним *Drab(e)now* (1277)¹¹.

В общем списке приведенных фамилий весьма интересны древнебалтийские составные антропонимы: *Gudewill* (например, в трудах К. Буги такая композита не зафиксирована) и *Josuttis*. Фамилия *Massute* имеет точное соответствие в древнерусском: *Masutte, Mvssute* (Траутман, 56). Что же касается встречаемой в обоих списках формы *Skalweit*, то ее следует считать производной от названия древнепрусской области *Skalva* с помощью суффикса *-ait*, как в лит. *kalvaitis* „житель холма“. Наконец, фамилия *Wenskus*, с разными вариациями довольно распространенная среди литовцев, связана с праславянским составным антропонимом, реликтом которого является старослав. имя *Вяцеславъ*¹².

¹¹ P. Gerullis, Ук. соч., 30.

¹² A. Vanagas, Ук. соч., 185.

Таким образом, даже беглый обзор немецких биографических материалов убеждает в ценности содержащихся в них данных по балтийской антропонимии. Не вызывает сомнения то, что и второй том издания „*Wer ist wer?*“, посвященный Германской Демократической Республике, принесет заслуживающие внимания материалы по балтийской антропонимии. Вспомним хотя бы имя известной немецкой (ГДР) спортсменки, бегуни *Карин Бурнелейт* (см. газ. „Советский спорт“, № 226 (6876) от 27 IX 1970 г.).

3. Наконец, не лишены интереса также и материалы по балтийской антропонимии в текстах немецкой художественной литературы.

Уроженец Тильзита (ныне Советск, Калининградской обл. РСФСР) немецкий писатель Йоганнес Бобровски (1917–1966) в произведениях, действие которых территориально связано с бывшей Восточной Пруссией, использует, как это попутно уже отметил Э. Эйхлер¹³, и литовскую антропонимию. Так, рассуждая о том, что описанные в его романе „Мельница Левина“ (раздел III) события могли произойти „даже в лесах вокруг Виштинецкого озера или еще дальше на север к Литве“, автор пишет, что в этом случае его герои носили бы совсем другие имена: „Глинский был бы *Адомайт*, *Пильховский*, который уже *Пильх*, – *Вилкенисом*, а потом просто *Вилком*, что тоже по-литовски, но не так бросается в глаза, *Видерский* должен был бы называться *Науйоксом*, а *Гонсеровский* – *Ашмутатом*, *Урбанский* – *Урбишсом*...“¹⁴

При этом интересно отметить, что приведенная писателем диалектная форма фамилии *Науйокс* (*Naujoks*) вм. литературной *Naujokas* записана и лингвистами в говоре литовских рыбаков быв. Восточной Пруссии¹⁵, и эта же форма *Naujoks* зафиксирована также в упомянутом немецком справочнике¹⁶.

Однако есть основание утверждать, что употребление литовских антропонимов в немецкой литературе не ограничивается только рамками произведений, связанных с землями балтийских народов. Так, двое героев романа Э. М. Ремарка „Три товарища“ также носят литовские фамилии – *Мах Матусейт* (гл. XI) и *Stefan Grigoleit* (гл. XXIII–XXIV)¹⁷.

¹³ E. Eichler, Ук. соч., 268.

¹⁴ Й. Бобровський, Левінів млин. Литовські клавіри. Переклав з німецької Л. Федоришин, Київ, 1971, 40.

¹⁵ J. Gerullis ir Chr. Stang'as, Lietuvių žvejų tarmė Prūsijoje, Kaunas, 1933, 100.

¹⁶ *Wer ist wer?* I, 902.

¹⁷ E. M. Remarque, *Drei Kameraden*, Moskau, 1963, 155, 358.